

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ 1917 г. РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

*Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ,
проект № 14-18-00010, РФФИ, проект № 15-06-9960*

После Февраля 1917 г., в период общественно-политических пертурбаций, Академия наук стремилась не только сохранить свой прежний автономный статус и значение для государства как высшего экспертного сообщества, но и реализовать планы по развитию институционализации отечественной культуры, науки и высшей школы (Колчинский, 2017. С. 166). В эпоху преобразований в области науки и просвещения члены Отделения исторических наук и филологии (ОИНФ) Академии наук, 11 июля 1917 г. решением Временного правительства переименованной из Императорской в Российскую, предложили ряд реформ, реализация которых была невозможна в императорской России. К таким проектам относился вопрос о слиянии двух петроградских музеев этнографического профиля, находившихся в разном ведомственном подчинении, — Музея антропологии и этнографии (МАЭ) имени Петра Великого РАН, подчинявшегося, как и вся Академия, Министерству народного просвещения, и Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ныне Российский этнографический музей), который входил в структуру Министерства Императорского Двора.

Директор МАЭ и член Совета Этнографического отдела Русского музея академик В.В. Радлов (1837–1918) 20 сентября 1917 г. сообщил отделению о своих переговорах с комиссаром по делам бывшего Министерства Двора по вопросу о взаимоотношениях этнографических музеев в Петрограде и о намерении представить отделению «соответствующий доклад». Для рассмотрения его проекта была образована комиссия из академиков В.В. Радлова, С.Ф. Ольденбурга, Н.Я. Марра, В.В. Бартольда и М.И. Ростовцева (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 438 об. ИФ XI § 297). Несколько месяцев спустя, 29 мая 1918 г. члены комиссии были привлечены к изучению записки скончавшегося В.В. Радлова об образовании на базе двух музеев единого Государственного музея антропологии, этнографии и археологии (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 165. Л. 397 об. ОИФ § 165; записка В.В. Радлова опубл.: Решетов, 1995. С. 82–85). Записка представляет собой программный документ о перспективах развития этнографического и археологического музееведения в Петрограде. Слияние двух музеев так и не состоялось, но показательно, что МАЭ в 1935–1937 гг. носил название Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

Другой проект был связан с разработкой нового законодательства о земле и тесно связанным с ним вопросом об охране памятников истории и культуры. Член-корреспондент Императорской АН и действительный член Археологической комиссии Н.И. Веселовский (1848–1918) главными причинами разграбления древностей в России справедливо считал отсутствие надлежащего законодательства об охране памятников и существующее право собственников земли на археологические находки. Еще в 1906–1907 гг. он предлагал объявить исторические древности государственной собственностью и возложить функции охраны памятников не на Археологическую комиссию, не имевшую для этого ни юридических полномочий, ни штата, ни средств, а на разветвленную структуру МВД, полагая, что обладая «изумительным археологическим наследством», Россия его губит «самым возмутительным образом» (Тункина, 2010. С. 82).

После Февральской революции члены ОИНФ приняли живое участие в обсуждении вопроса об изменении земельного законодательства. 6 сентября 1917 г. отделение рассматривало запрос Министерства земледелия, готовившего земельную реформу, об охране важных исторических и археологических объектов, поэтому организовало комиссию из академиков в составе: В.В. Латышев, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург,

М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд, М.И. Ростовцев (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164. С. 138–139. ОИНФ X § 276). Министерство земледелия предложило указать «категории тех местностей, которые по своим естественным богатствам, сокрытым ли в земле, или находящимся на ее поверхности, составляют неделимую государственную ценность, ценность на все времена и для всех граждан». Эти объекты необходимо было законодательно закрепить как заповедный фонд государства.

Комиссия провела два заседания, протоколы которых были зачитаны членам ОИНФ 20 сентября. Составленные учеными разных специальностей объяснительные записки отделение постановило объединить в один документ с общей преамбулой, состоящий из нескольких разделов, каждый из которых подписан составителями, — «Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими». Его решено было напечатать на правах рукописи, корректуры разослать для замечаний членам отделения и предложить образовать Особое совещание при Министерстве земледелия по этому важнейшему вопросу (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164. С. 200–201. ОИНФ XI § 299; Приложение II. С. 205–214; записка опубл.: *Дьяконов, Латышев, Ростовцев, Марр, Бартольд*, 1917. С. 1221–1230).

В принятом документе академики призывали разработать «план охраны ... участков в интересах научно-исторических». Правила «к упорядочению производства археологических раскопок» на государственных и общественных землях, меры «против хищнического кладоискательства» и по охране памятников старины, принятые в отечественном законодательстве, ученые считали недостаточными. Выработанный в МВД проект создания особого комитета из представителей ряда ведомств и научных учреждений для разработки законодательства по этому вопросу «не продвинулся дальше рассмотрения его в комиссии Государственной Думы в 1912 г.». В условиях «общей разрухи» академики призывали принять меры «к объявлению заповедными ряда участков или к тщательной охране» историко-культурных объектов «от захватов, разорений и разрушений» не только в интересах развития науки, но и «отечествоведения» с целью просвещения широких народных масс, прежде всего учащейся молодежи. «... У России есть культурное прошлое, ... создавая новую свободную Россию, русский народ и все другие народы, населяющие Россию, опираются на великую работу, веками производившуюся их предками, ... в преемстве этой культурной работы лежит залог светлого будущего Государства Российского» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 164. С. 205, 206).

Охране дворянских усадеб, их историко-художественных коллекций, архивов и библиотек, а также садов и парков посвящен первый раздел записки, написанной М.А. Дьяконовым. Он призывал объявить заповедными «различные участки, на которых производятся археологические раскопки»; «при отчуждении в собственность казны дворцовых, кабинетских и удельных имений... при возможной секуляризации монастырских и церковных земель» признать неотчуждаемой государственной собственностью «все дворцы с прилегающими к ним садами и парками и принять меры к охране неоценимых культурных сокровищ, в них собранных, как вещественных памятников искусства (картин, предметов обстановки и украшений), так и чисто научных собраний (библиотек, архивов)». Именно эти собрания являются «самыми богатыми хранилищами наших культурных ценностей». Автор призывал принять немедленные меры к охране частных помещичьих усадеб, «хранивших остатки исчезающей культуры былых времен», ссылаясь на печальный опыт событий первой русской революции 1905–1906 гг., когда была разграблена и сожжена до глас Зубриловка, имение Голицыных на р. Хопре Саратовской губ. (Там же. С. 206–208).

В.В. Латышев и М.И. Ростовцев акцентировали внимание на необходимость охраны археологических памятников Европейской России. Академики опасались, что переход земельных участков в частную собственность или длительное пользование может «лишить науку материалов, без которых изучение прошлого России, былых судеб многочисленных населявших ее племен делается невозможным. Не надо забывать, что систематическое изучение своего прошлого Россия еле начала и что расследованные археологически и исторически местности в России считаются единицами, совершенно нетронутые исследовани-

ем сотнями, а может быть, и тысячами». Среди античных городищ и некрополей, подлежащих охране, названы руины Пантикапея, Горгипсии, Тиры, Херсонеса Таврического, Ольвии. В.В. Латышев, посвятившей истории Ольвийского полиса докторскую диссертацию, писал, что «руины древней Ольвии и ее некрополь не могут быть во владении каких бы то ни было частных лиц: они достояние всех граждан России, которые отвечают за них перед всем культурным миром». В частном владении оказались остатки Фанагории, Киммерика, Нимфея, Танаиса и Елизаветовского городища на Дону: «Все это такие пункты, без тщательного исследования которых невозможна дальнейшая разработка древнейших стадий культурного развития нашей страны, рост и обогащение наших музеев и <...> вклад наш в изучение культуры европейского человечества в эпоху создания им величайших и вечных культурных ценностей». М.И. Ростовцев следом поставил вопрос о необходимости тщательной регистрации скифских курганов и объявлении наиболее важных из них национальной собственностью, о неизученности древнерусских городищ в Приднепровье, средневековых городов и могильников разных народов в южной, центральной и северной России (Белгородка, Старая Казань, Микулино городище и пр.) и в Крыму (Мангуп-кале). «Перечислить ... все те местности, которые не могут быть в частном владении по их огромному историческому значению, невозможно ... Но выделить ... те, о которых не может быть двух мнений, и можно, и должно. Велика будет наша ответственность перед будущими поколениями и перед мировой культурой, если мы не сумеем и не захотим этого сделать» (Там же. С. 208, 209, 210).

Памятникам древнейших культур Кавказа, являющихся «предметом мирового интереса», посвящен раздел, принадлежащий перу Н.Я. Марра. Он особо подчеркнул исключительное значение для науки местных дохристианских и христианских древностей из-за тесной интерференции кавказских культур с византийским, древнерусским и исламским мирами. На его взгляд, кавказские древности вносят «существенную поправку во всеобщую историю искусства». Но «права этих памятников на защиту не обеспечены», а единственно реальный интерес к ним — национальный, который может стать источником их разрушения. Главной причиной этого Н.Я. Марр считал «малую осознанность общих интересов Кавказа», отсутствие «научно-компетентных учреждений» и специально подготовленных научных кадров. Поэтому ответственность за сохранность памятников, по убеждению Н.Я. Марра, ложится на центральные научные учреждения государства — на Российскую АН, изучающую Кавказ сотню лет, и только что созданный при ней по его инициативе и руководством Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе. Н.Я. Марр особо отметил важнейшие памятники: 1) доисторические древности, прежде всего дольмены и вишапы (каменные рыбы-великаны); 2) халдские (ванской эпохи) и более ранние урартские древности; 3) церкви, мечети, крепости, дворцы и пр.; 4) пещерные комплексы, образующие города (Ани, Уплис-цих) и монастыри (Вардзиа); 5) могильники и курганы древнейших эпох в Эриванской и Елизаветпольской губ., близ Ани, в Баш-Шурагеле, близ Мцхета, около Ахалгори и Бари; 6) городища на территории Грузии и Армении, из них в государственной собственности оказалось только Ани, в частной оставались Накалакеви (древний Археополь), Гегути, Самшвильде, Урбинси, Греми, Арташат, Багаран, Двин, Мрен, Гарни, где сохранился единственный в пределах России архитектурный памятник — уникальный храм римской эпохи (Там же. С. 210–212).

Археологии Средней Азии и Сибири посвящен раздел, написанный В.В. Бартольдом. Он отметил, что земля курганов и жилищ домусульманского периода по всей территории Туркестана свозится на пашни в качестве удобрения. Автор был особо озабочен сохранностью городища Афрасиаб к северу от Самарканда. Для науки оказалась потеряна четвертая часть городища, занятая кладбищами и пашней, остальная подвергалась самозахватам и самовольным раскопкам. Помимо городищ на всем пространстве Туркестанского края он отметил необходимость изучения несторианского кладбища близ Пишпека в Семиреченской области. В.В. Бартольд полагал, что необходимо объявить эти площади собственностью государства и поручить их охрану местным научным организациям, ссылаясь на опыт в охране городища Болгар на Волге, за которым следило Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете. В Сибири из объектов, тре-

бующих охраны, он отметил главный город Сибирского царства Искер близ Тобольска, богатую археологическими памятниками территорию Минусинского уезда и открытую на западном берегу Байкала в 1912 г. неолитическую стоянку (Там же. С. 213–214).

Однако инициатива академиков, стремившихся сделать заповедными охраняемыми зонами важнейшие историко-археологические объекты на территории России, тогда осталась втуне из-за захвата власти большевиками. Уже при советской власти, в другую историческую эпоху земля была национализирована, археологические памятники и находки объявлены государственной собственностью, что в конечном итоге привело к когнитивным и институциональным изменениям путей развития науки и дало мощный импульс развитию отечественной археологии. Значительная часть перечисленных в записке академиков 1917 г. объектов получила статус историко-археологических музеев-заповедников всесоюзного, республиканского или областного значения, что спасло их от неминуемой гибели.

Дьяконов М.А., Латышев В.В., Ростовцев М.И., Марр Н.Я., Бартольд В.В., 1917. Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими // Известия РАН. Т. 11. № 15. С. 1221–1230.

Колчинский Э. И., 2017. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник РАН. Т. 87. № 2. С. 166–176.

Решетов А.М., 1995. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН. Вып. 1. С. 75–85.

Тункина И.В., 2010. История изучения // Античное наследие Кубани: В 3-х т. / Под ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М.: Наука. Т. 1. С. 23–107.

С.П. Щавелёв

(Курск)

ОТ КУРСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ (1903–1922 гг.) К СОВЕТСКОМУ ОБЩЕСТВУ КРАЕВЕДЕНИЯ (1923–1930 гг.): РАЗГРОМ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В СССР

Вопреки утвердившемуся в историографии мнению о том, что краеведческие общества, постепенно созданные на местах после революции 1917 г., представляли собой очередной, по-своему плодотворный этап развития науки и практики изучения древностей, отмечается резкий спад их деятельности в 1920-е гг. и практически полное уничтожение в самом начале 1930-х гг. Медленное и до сих пор частичное восстановление региональных центров археологии в нашей стране произошло не благодаря, а вопреки революции. Оно стало возможным только в условиях кризиса и падения советской власти.

История науки, в особенности гуманитарной, тем более столь тесно связанной с политикой и всей культурой, как археология, позволяет не умозрительно, а доказательно, почти экспериментально, оценить значение «Великого Октября», как мы называли на советском «новоязе» те события, которые случились в нашей стране 100 лет назад. Оценить, то есть соотнести потери и достижения от этой самой «Великой Октябрьской социалистической революции» для русской культуры и российской государственности.

В 1990-е гг. я написал историю курской археологии (Щавелёв, 1997а,б; 2002). Эта версия провинциальной историографии древностей удостоилась похвалы А.А. Формозова (Формозов, 2006. С. 7, 270) и стала прототипом нескольких кандидатских — Г.Ю. Стародубцева (Курск), Н.А. Потапкиной (Воронеж), Л.В. Ясновской (Чернигов); Т.В. Наумовой (Тула) и др.; и докторской — Е.Ю. Захаровой (Воронеж). Это диссертации по сходной тематике, выполненные на региональных материалах. Пример Курского Посеймья, как видно, оказался весьма типичен для всей европейской части Российской империи: появление, становление и постепенное развитие работы с древностями удалось проследить здесь, начиная с самой середины XVII в., когда игумен Знаменского монастыря Никодим снял план развалин Ратского городища под Курском и послал его царю Алек-